

С.А. Борисова

**«И НЕ БѢ В ДАВЫДѢ ГЛАСА НИ ПОСЛУШАНЫИ.
БѢ БО УЖАСЛѢСА»:
О ЧЕМ ГОВОРИТ ОПИСАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
СОСТОЯНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗЛОДЕЯ?**

Аннотация: В статье рассматривается отрывок из «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» — рассказ о переживаниях владими-ро-волинского князя Давыда Игоревича перед задуманным им злоде-янием. Описание состояния Давыда условно делится нами на несколько частей, согласно этому порядку и выстраивается анализ. В основе его — выявление литературных параллелей, с помощью которых конструирует-ся рассказ о переживаниях князя. Установление источников и соотноси-мых текстов для анализируемого отрывка «Повести» позволяет понять, какие смыслы стоят за описанием эмоций злодея. Сначала в фокусе вни-мания исследования оказывается формулировка «не бѣ <...> гласа ни по-слушаныи». Затем изучается смысловое наполнение глагола «ужаслѣса» и его роль в рассказе о переживаниях Давыда. Здесь, помимо установления литературной параллели исследуемого фрагмента, рассматриваются дру-гие примеры из «Повести временных лет», содержащие слова с корнем «ужас». Завершает работу анализ упоминания о «лести», которую Давыд «имѣа въ в сердце». Проведенное исследование дает представление о том, как понимать описание эмоционального состояния князя и какова функ-ция этого рассказа в летописном повествовании.

Ключевые слова: история эмоций, ужас, образы злодеев, Древняя Русь, Повесть об ослеплении Василька Теребовльского.

Svetlana A. Borisova

**“THERE WAS NEITHER VOICE NOR HEARING IN DAVID,
FOR HE WAS HORRIFIED:” WHAT DOES THE DESCRIPTION
OF EMOTIONAL STATE OF OLD RUSSIAN VILLAIN SUGGEST?**

Abstract: The article examines a fragment from *The Tale of the Blinding of Vasilko Terebovlsky* — a story about the feelings of the Vladimir-Volyn prince David Igorevich before committing the atrocity he had conceived. The author divides the description of David's emotional state into several parts, which are

analyzed separately. It is based on the identification of literary parallels that are used to construct the story about the prince's feelings. The identification of sources and related texts for the analyzed passage helps to understand the meaning of the description of the villain's emotions. At first, the focus of the research is on the phrase "ne bѣ <...> glasa ni poslušanъ" ("there was neither voice nor hearing"). Then the meaning of the verb "ŷzhaslъsa" ("was horrified") and its role in the story of David's feelings are explored. Here, in addition to identifying a literary parallel to the fragment, other examples from *The Tale of Bygone Years* containing words with the root "ŷzhas" ("horror") are analyzed. The paper ends with the analysis of the mention of "lest" ("flattery"), which David "imѣa v serdtsi" ("has in his heart"). The findings help to clarify how to understand the description of prince's emotional state and what the function of the story in chronicle narrative is.

Keywords: history of emotions, horror, images of villains, Old Russia, *The Tale of the Blinding of Vasilko Terebovsky*.

Как пишет Д.С. Лихачев, в древнерусской литературе интерес к изображению переживаний человека появился в конце XIV — начале XV вв. [5, с. 72]. Действительно, невозможно найти в произведениях раннего периода подробные описания состояний людей из-за особого устройства древнерусской книжной культуры. Однако было бы неверным утверждать, что о чувствах героев не сообщается вовсе. Источники того времени не лишены эмотивной лексики, из-за чего возникают вопросы: чем обусловлено ее появление в тексте произведения? какую роль наименования эмоций играют в построении нарратива? каково их смысловое наполнение?

В статье мы предлагаем рассмотреть один эпизод из «Повести об ослеплении Василька Теребовльского». В этом источнике необычайно часто для «Повести временных лет» упоминаются разнообразные эмоции. «Сматеса оумоѣ», «сжалиси», «блюдаса», «печална быста велми и плакастаса» [14, стб. 257, 260, 262] и другие обозначения реакций и переживаний составляют эмоциональную палитру «Повести». Особенно интересно, что в выбранном произведении появляется «описание эмоционального состояния злодея перед преступлением (притом не ярости, а более человеческого чувства) — это, пожалуй, нечто новое для литературной традиции, да и для летописи тоже» [3, с. 111]. Речь идет о князе Давыде Игоревиче, ослепившем Василька Ростиславича вскоре после Любеческого съезда. Описание состояния Давыда и станет объектом нашего анализа.

Переживания князя изображаются по меркам современного повествования довольно лаконично. Прежде чем захватить Василька в плен, Давыд приглашает его на трапезу: «и нача Василко глѣти к Дѣдѣви. и не бѣ в Дѣдѣ гла҃ ни послушанѣа . бѣ бо ѹжасльса . и леств имѣа въ ср҃ци» (здесь и далее курсив мой. — С.Б.) [14, стб. 259]. Исследователи почти единогласны в переводе этого отрывка и практически дословно следуют тексту источника. Так, в варианте Д.С. Лихачева читаем: «И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце» [16, с. 249]. О.В. Творогов переводит сходным образом, с одним исключением: слово «имел» он заменяет на «держал» [15, с. 273]¹. Однако переводы исследователей не дают понимания, в чем заключается смысл рассказа о «переживаниях» Давыда и зачем летописец решил сообщить о чувствах злодея в своем повествовании.

Для того чтобы разобраться в этих вопросах, последовательно рассмотрим все составляющие характеристики состояния князя перед злодеянием. А.М. Ранчин указывает на библейское происхождение формулировки: «и не бѣ в Дѣдѣ гла҃ ни послушанѣа» [7, с. 279]. Так, когда жрецы Ваала взывают к своему божеству, чтобы совершить жертвоприношение, им «не бѣ гласа ни послушаниа» [11, с. 548]². Языческие идолы — всего лишь «дѣла рукъ чл҃чскъ» [11, с. 959], пустые истуканы, в которых нет жизни. Сходным образом описывается умерший ребенок: от него «не бѣ гласа ни послушаниа» (4 Цар. 4: 31) [11, с. 565]. Следовательно, анализируемый оборот можно перевести «как мертвый». Возможно, что в случае с Давыдом речь идет о его внутренней, духовной омертвелости.

Летописец указывает причину такого состояния князя: «бѣ бо ѹжасльса». И.И. Срезневский трактует глагол «ѹжасльса» в данном случае как «волноваться, быть возбужденным» [18, стб. 1161].

¹ «И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце».

² 3 Цар. 18: 26. Более подробно про «омертвелость» идолов: «Бѣ же на҃и на нбѣи и на земли. вса елика въсхо҃тъ, сътвори . Идоли а҃йсѣкъ, сребро и злато, дѣла рукъ чл҃чскъ. Оуста имуть, и не гл҃ють. очи имуть, и не видать. оуши имуть, и не слышать. Ноздри имуть, и не обоняють. Руцѣ имуть, и не осажутъ. Ногѣ имуть, и не поидуть. Не възгласа҃ гортанемъ своимъ. Подобни имѣ да будутъ творящеи а, и вси надѣющеиса на на» (Пс. 113: 11–16) [11, с. 958–959].

Однако неясно, на каких основаниях исследователь выбирает это определение. Более точный способ понять смысл интересующей нас леммы — обратиться к «Хронике Георгия Амартола», содержащей сходный с отрывком «Повести» фрагмент, обнаруженный В.С. Савельевым [9, с. 158–159]. В 10-й книге «Хроники» рассказывается об эллинском философе, который обладал таким умом и красноречием, что его не мог победить в споре ни один епископ. «Но да покажетъ Ба, ꙗко не словомъ цѣрѣвствіе нбѣноѣ быѣ, *но силоу*» [13, с. 342], — пишет хронист. Бог вложил ее в уста епископа Спиридона, который был «просто же родомъ не книжникъ словомъ» [13, с. 342]. Услышав рассказ Спиридона, философ «ꙗко неѣкоторые неразѡумѣвающа словеса никогда же имѣа на противленіе, *оужасеса, ꙗко глоухъ и нѣмъ оумолкнуу*» [13, с. 343]. Затем герой объясняет причину своего состояния: «Ѥгда же противѡу словоу слышахъ, *сила нѣкая* изиде из оустъ старца сего, *не възмогша словеса моя противитиса. ни бо который юсть члѣвкъ Боу противитиса*» [13, с. 343]. Значит, мы можем предположить, что летописец дает понять: Давыда заставляет «ужаснуться» сила, исходящая от Бога.

Такая трактовка вполне соответствует тому смысловому ряду, который составляют слова с корнем «оужас» в «Повести временных лет». В источнике их всего 11 [10, с. 150, 208]. В семи случаях они связаны с проявлениями божественного. Первый вид такого «ужаса» — это реакция, которая возникает при столкновении героев с сакральным или чудесным³. Так, в рассказе о перенесении мощей Бориса и Глеба сообщается об удивительном благоухании, которым наполнилась церковь в момент открытия раки старшего князя. Тогда «митрополита *оужастъ шбиде . бѣ бо нетвердѣ верѡю к нима и падѣ ницѣ просаше прощеньа*» [14, стб. 182]. Описывая перенесение мощей Феоodosия Печерского, летописец также рассказывает об охватившей его «оужасти»: «Ѥгда же прокопахъ *шбдержашеть ма оужастъ . и нача̑ звати Г̑и помилуи*» [14, стб. 210]. Глаголом «оужасошася» охарактеризована реакция присутствующих в поварне монахов на поведение Исакия, когда он выполнил шуточную просьбу одного из поваров и принес на кухню ворона [14, стб. 195]. В данном случае «ужас» указывает на сакральность поступка Исакия, после совершения которого

³ Подробнее о страхе перед сакральным см.: [1].

«начаша бра̑ѣа чтити» юродивого [14, стб. 195]. Реакция на знамение тоже передается с помощью глагола «оужасошася»: «спаде превеликѣ змии отъ нбсе. [и] оужасошася вси людѣ» [14, стб. 214]. Когда Александру Македонскому является ангел с мечом, «яко молнии», «оужасеса цѣрь велми» [12, стб. 263].

Второй вид сакрального ужаса в ПВЛ — это *оужасть*, которую Бог наводит на врагов Руси. Так, летописец пишет о вмешательстве Господа в битву с половцами в 1103 г., что ведет древнерусских князей к победе: «и Бѣ великѣи. вложи оужасть велику в Половцѣ. и стра̑ нападе на на и трепеть. ѿ лица Русскы̑ вои. и дрѣмаху сами. и конѣ ихъ не бѣ спѣха в ногѣ. наши же с весельѣмъ на конѣ. и пѣши поидоша к ни̑. Половци же видѣвше оустремленье Руское на сѧ не достигши бо побѣгоша. пре̑ Русскими полки. наши же погнаша секуща ѣ дни. д̑. априла мѣца. велико сп̑сньѣ Бѣ створи» [14, стб. 278–279]. Представление о том, что Бог карает различными состояниями страха врагов избранного народа, имеет библейские корни⁴. По предположению А.В. Лаушкина, наиболее близкий источник для образов статьи 1103 г. находится в Первой книге Царств [4, с. 84]. В ней рассказывается об ужасе и бегстве филистимлян от войск Саула: «И бысть оужасть въ полцѣхъ иноплеменникъ и на селѣхъ. и вси людѣ <...> оужаснушася <...> и вѣстрепетася земля. иже бысть имъ оужасть ѿ Гѧ» (1 Цар. 14: 15–16) [11, с. 431].

Таким образом, и сообщение об «ужасе» Давыда Игоревича можно трактовать как наказание, насланное Богом за грехи князя⁵.

⁴ и страхъ пошлю ведущи тебе. и оустрашу всѧ ѧзыки, в наже ты входиши к нимъ (Исх. 23: 27) [11, с. 137–138]; «начну дати трепеть и стра̑ твои пре̑ лице̑ всѣмъ (странам) ѧже (суть) по̑ нбсе̑. они (же) слышавшей имѧ твое възьматутсѧ» (Втор. 2: 25) [11, с. 277]; «Не станеть никтоже пре̑ лицемъ вашимъ, [и] трепеть вашъ и страхъ вашъ възложить Гѣ Бѣ вашъ на лице всеѧ землѧ» (Втор. 11: 25) [11, с. 293] и др.

⁵ Идея о том, что Господь насыляет страх на князей за их грехи, прослеживается и на материале других источников. Согласно наблюдениям В.Н. Рудакова, причина страха и бегства князей во времена монголо-татарского нашествия, «по мнению книжников того времени, — людские грехи, из-за которых, собственно, Господь насыляет казни, в том числе и в виде нашествия “иноплеменных”» [8, с. 57]. В качестве наиболее ярких цитат, иллюстрирующих эту идею, исследователь приводит фрагмент из Новгородской первой летописи старшего извода: «Отъѧ Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепеть вложи в нас

Рассмотрим последнюю часть описания состояния Давыда: «и лєсть имѣа въ срѣци». *Лєсть* — важный признак «злодейского» поведения. Значение этого слова включает в себя ряд близких другу другу понятий: обман, ложь, хитрость, коварство [17, с. 449–450]. Как пишет А.С. Демин, первый злодей-христианин в «Повести временных лет», воевода Блуд, участвуя в заговоре против Ярополка, лжет своему князю, и летописец для изображения такого поведения использует цитаты из Псалтири [3, с. 110]. С точки зрения А.А. Пауткина, *лєсть* — это определяющее качество древнерусского «антигероя»: «...междоусобицы, открытая враждебность, приводившие к гибели противников, не делали князя злодеем. <...> Для этого нужны не просто жестокое противостояние или эгоистичность политики (таких фактов в летописи множество), а коварный заговор, борьба недостойными методами (“убити лєстью”）」 [6, с. 164–165]. Следовательно, упоминание о *лєсти* характеризует Давыда как страшного злодея и грешника.

К этой же оценке можно отнести тот факт, что князь не имеет видимых причин для своих переживаний. Можно сказать, что таким образом он сближается с грешниками, которые обращаются в бегство без повода и бегут, когда за ними никто не гонится⁶.

Итак, описание состояния Давыда Игоревича перед совершением злодеяния мы предлагаем толковать следующим образом: «Давыд был, словно мертвый, потому что испытал сакральный ужас, насланный на него Богом». Этот ужас — божественное наказание, *лєсть* и отсутствие видимых причин для переживаний характеризуют князя как злодея и грешника. Таким образом, описание эмоционального состояния Давыда Игоревича играет символическую роль в летописном повествовании и становится важным элементом оценки, которую летописец дает личности князя.

за грѣхы наша» и слова из поучения Серапиона Владимирского: «Князии нашихъ, воеводѣ крѣпость ищезе, храбрии наша, страха наполньнѣшеся, бѣжаша» [8, с. 57].

⁶ Ср.: Так, Святополк Окаянный после поражения в битве с Ярославом бежит, хотя «не бѣ никогоже вслѣдъ гонашаго»: злодей гоним «Бѣимъ гнѣвомъ» [14, стб. 145]. Подробнее о грешниках, бегущих без причины см.: [2, с. 110–113].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Борисова С.А.* Страшный рай «Жития Василия Нового» // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 1. С. 202–215. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-202-215>
- 2 *Данилевский И.Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004. 448 с.
- 3 *Демин А.* Изображение «зверскости» злодеев в древнерусской литературе // *Развитие личности*. 2012. № 4. С. 106–125.
- 4 *Лаушкин А.В.* Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013. № 4 (54). С. 76–86.
- 5 *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 178 с.
- 6 *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания. М.: Изд-во МГУ, 2002. 286 с.
- 7 *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.
- 8 *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжки о бегстве князей от татар // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2012. № 1 (47). С. 52–61.
- 9 *Савельев В.С.* «Повесть временных лет». Источники и соотносимые тексты (Статья 2) // *Stephanos*. 2014. № 4. С. 112–174.
- 10 *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словник). Киев: Наукова думка, 1984. 216, [1] с.

Источники

- 11 Библия, сиречь Книги Ветхаго и Новаго Заѣта по языку словенску. Львів: ТзОВ «Мастіг», 2006. 1957 с.
- 12 Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Л.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. XVI, 938 стб., 87, IV с.
- 13 *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг.: Изд. отделения рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1920. Т. 1: Текст. XVIII, 612, III с.
- 14 Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. VIII, 286 стб.
- 15 Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 62–315.
- 16 Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2007. 667 с.
- 17 Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 559 с.
- 18 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. Т. 3. 1684 стб.

REFERENCES

- 1 Borisova, S.A. "The Fearful Paradise of 'The Life of Basil the Younger'." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 202–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-202-215>
- 2 Danilevskii, I.N. *Germenevticheskie osnovy izucheniia letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let* [Hermeneutical Foundations of the Study of Chronicle Texts. The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2004. 448 p. (In Russian)
- 3 Demin, A. "Izobrazhenie 'zverskosti' zlodeev v drevnerusskoi literature" ["The Depicting of the Cruelty of Villains in Old Russian Literature"]. *Razvitie lichnosti*, no. 4, 2012, pp. 106–125. (In Russian)
- 4 Laushkin, A.V. "Nasledniki praottsa Izmaila i bibleiskaia mozaika v letopisnykh izvestiiakh o polovtsakh" ["The Heirs of the Forefather Ishmael and the Biblical Mosaic in the Chronicle Evidence of the Cumans"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 4 (54), 2013, pp. 76–86. (In Russian)
- 5 Likhachev, D.S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Old Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 178 p. (In Russian)
- 6 Pautkin, A.A. *Besedy s letopistsem: poetika rannego russkogo letopisaniia* [The Conversations with the Chronicler: the Poetics of the Early Russian Chronicle]. Moscow, Moscow State University Publ., 2002. 286 p. (In Russian)
- 7 Ranchin, A.M. *Vertograd Zlatoslovnyi: drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd Zlatoslovny: Old Russian Book Culture in the Interpretations, Analyses and Comments]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 576 p. (In Russian)
- 8 Rudakov, V.N. "Drevnerusskie knizhniki o begstve kniazei ot tatar" ["Old Russian Scribes about the Flight of Princes from the Tatars"]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 1 (47), 2012, pp. 52–61. (In Russian)
- 9 Savelev, V.S. "'Povest' vremennykh let. Istochniki i sootnosimyie teksty (Stat'ia 2)" ["'The Tale of Bygone Years.' Sources and Related Texts (Article 2)"]. *Stephanos*, no. 4, 2014, pp. 112–174. (In Russian)
- 10 Tvorogov, O.V. *Leksicheskii sostav "Povesti vremennykh let" (slovoukazateli i chastotnyi slovník)* [The Lexical Structure of 'The Tale of Bygone Years' (the Word Pointers and Frequency Dictionary)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984. 216, [1] p. (In Russian)

Информация об авторе: Светлана Александровна Борисова — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5934-3142>

E-mail: sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author: Svetlana A. Borisova, PhD in History, Lecturer, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, 125993 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5934-3142>

E-mail: sa-borisowa@yandex.ru

Для цитирования: Борисова С.А. «И не бѣ в Давыдѣ гласа ни послушанья. бѣ бо ѹжаслься»: о чем говорит описание эмоционального состояния древнерусского злодея? // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 216–224. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-216-224>

© 2022, С.А. Борисова

For citation: Borisova, S.A. “‘There Was neither Voice nor Hearing in David, for He Was Horrified:’ What Does the Description of Emotional State of Old Russian Villain Suggest?” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 216–224. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-216-224>

© 2022, Svetlana A. Borisova